

Станкевич З.А.
д.ю.н., в 1990-1991 годах –
сотрудник Аппарата Президента СССР

Добрый день, коллеги!

Я всячески приветствую нашу научную конференцию и сегодняшнее обсуждение тезисов проф. А.С. Пученкова, полагая оба эти мероприятия чрезвычайно актуальными и важными. Особенно, в нынешних условиях, когда опять, спустя 30 с лишним лет после развала СССР, всё постсоветское пространство начало трясти. Нарастающая социально-политическая турбулентность на нём в последние годы очевидна – начиная с президентских выборов в Беларуси в 2020 году и заканчивая недавними выборами в Молдове и Грузии. И это лишь усиливает необходимость нового обращения к Перестройке, возвращения к всестороннему и глубокому анализу и переосмыслению её исторического опыта – как положительного, так и отрицательного.

Относительно тезисов. Мне они понравились, поскольку Александр Сергеевич достаточно полно, ярко и, я бы сказал даже красочно обозначил круг базовых проблем для обсуждения, к тому же сделал это чрезвычайно интеллигентно – даже тогда, когда речь идёт о непростых, спорных вопросах, относящихся к личности и политике, к словам и делам Михаила Сергеевича Горбачёва. Мне же хотелось бы высказаться лишь по двум, но весьма существенным вопросам.

Первый – это вопрос о **необратимости** всего того, что хотел сделать и реально сделал Михаил Сергеевич для страны и общества. Другими словами, это вопрос о необратимости завоеваний и потерь перестроечной эпохи, периода последней советской «реформации».

Да, мы чтим Михаила Сергеевича за всё то, что он смог и сделал для раскрепощения людей и народов, населявших тогдашний СССР, за вновь

обретенную свободу и открытость миру, за разворот к демократии и правам человека. Однако, нельзя не признать, что перемены той поры, порожденные политикой Горбачёва, имели также свою обратную сторону, связанную с неизбежными издержками, которые больше всего отразились на судьбе государства. Здесь тоже существовали свои «рубжи», за которыми перестроечные процессы становились необратимыми, но уже со знаком «минус». И здесь, что греха таить, очень многое, если не всё, зависело от **политического выбора** самого Михаила Сергеевича и его ближнего круга, от принимаемых ими решений, которые могли и должны были минимизировать негативные последствия грандиозного процесса переустройства общества и государства.

В подтверждение я приведу один лишь, но яркий пример. Он связан с выбором стратегии и тактики дальнейших действий руководства страны после референдума о сохранении Союза от 17 марта 1991 года, когда возникла серьезнейшая дилемма: что делать дальше? Продолжать последовательно двигаться по пути, намеченному ещё в 1990 году, на котором уже было пройдено несколько важных этапов (Грановитая палата, Петрово-Дальнее, IV Съезд народных депутатов СССР, Морозовка) и где имелись конкретные результаты в виде отработанного и согласованного самими представителями республик проекта нового Союзного договора? Или, попытаться искусственно ускорить процесс, вступив в рискованный альянс с республиканскими лидерами в надежде на их поддержку в деле доработки и подписания Договора?

Михаил Сергеевич, как показал опыт, более склонный к достижению желаемого результата скорее путём личных договоренностей «на высшем уровне», чем организацией долгой и кропотливой работы по закладке прочного фундамента под «здание» обновленной союзной государственности (видимо, сказывался положительный опыт его общения с зарубежными лидерами, где имелись несомненные успехи), сделал ставку на второе, что и было реализовано в сепаратном от остальной союзной власти и неожиданном

даже для Аппарата главы государства “Заявлении «9+1»” от 23 апреля 1991 года. Мало того, Президент ещё помог своему главному политическому оппоненту Борису Ельцину «усмирить» российские автономии, чем оказал ему огромную услугу, так и оставшуюся без благодарного ответа.

Я абсолютно убежден в том, что появление данного Заявления и стало той критической точкой, за которой Союз, фактически, был обречен. И это несмотря на все наши позднейшие старания и попытки исправить ситуацию в рамках «ново-огаревского процесса». А сам Президент, понятное дело, окончательно стал заложником республиканских вождей. Рано или поздно, но должно было последовать то, что произошло вначале в августе, а затем – в декабре 1991 года,

Кстати, пару слов **о путче**. Я бы не стал здесь преувеличивать значение провала путча как свидетельства необратимости демократических перемен. Ведь среди путчистов вполне могли оказаться люди более умные, сильные и волевые, чем те трясущиеся субъекты, которых мы увидели на экранах своих телевизоров 19 августа. Не будем забывать и то, что решительно воспрепятствовать, вплоть до вывода людей на улицы, подписанию нового Союзного Договора грозила и «Демократическая Россия», поставившая соответствующий ультиматум Ельцину незадолго до путча. Наконец, крайне противоречиво, вплоть до 21 августа, вели себя и руководители республик, абсолютное большинство которых лично звонило в Кремль, чтобы, на всякий случай, «сориентироваться в обстановке» и понять, к какой стороне им следует «прислониться». Я об этом знаю не понаслышке, сам был свидетелем потока звонков из ВСЕХ, кроме Балтии, республик (хотя и на разном уровне!) весь день 20 августа. Между прочим, позже, где-то на переломе сентября и октября 1991 года, было поручение Михаила Сергеевича доложить ему о поведении глав республик в те критические дни, и мы в Кремле уже начали готовить соответствующий документ. Но, затем работу прекратили, поскольку интерес к проблеме отпал ввиду потери всякого смысла, ведь дело было уже сделано.

Теперь несколько замечаний по второму вопросу – об **Аппарате Президента СССР**, в составе которого мне посчастливилось проработать почти весь срок нахождения Михаила Сергеевича на посту главы союзного государства. Здесь, при всём уважении к автору тезисов, я не могу согласиться с некоторыми его оценками и выводами.

Во-первых, Аппарат и «штабные» структуры Президента в виде Президентского совета, а позднее (с конца 1990 г.) – Совета Безопасности, и Совета Федерации СССР были созданы и функционировали в строгом соответствии с тогдашней концепцией президентства, при которой глава государства имел лишь **опосредованную легитимность**, исходящую не от народа, а от Съезда народных депутатов СССР. Подобная легитимность, само собой, отражалась и на его компетенции, и на объеме полномочий. Соответственно, Аппарат Президента Советского Союза изначально формировался и работал не как властный орган (наподобие нынешней администрации президента), а как структура, обеспечивающая лишь президентскую часть политической и государственной деятельности Михаила Сергеевича. Обеспечением другой, партийной части его деятельности, как известно, до поры до времени занимался аппарат ЦК КПСС.

Во-вторых, в то время не могло идти и речи о формировании какой-либо **«президентской вертикали»**, поскольку для этого не было ни объективных, ни субъективных (Горбачёв – не диктатор!), ни политических, ни правовых условий. Такое стало бы возможным лишь в одном случае – если бы в СССР, на срок до преодоления грозящей стране катастрофы, было бы введено т.н. президентское правление. Но, этого не произошло, хотя такая идея выдвигалась - в частности, она была изложена в служебной записке, адресованной руководству, которую мы с коллегой из ЦК партии подготовили и представили ещё в октябре 1990 года. Возможно, так произошло ещё и потому, что в это время шла интенсивная подготовка проекта нового Союзного договора, предполагающего принципиально новую структуру

государственной власти в стране, и была ориентация именно на эту перспективу, а не на какое-либо развитие старых институтов.

Наконец, в-третьих. Аппарат Президента был укомплектован кадрами «по потребности» - их могло быть чуть больше или чуть меньше, но это ситуацию с работоспособностью данной структуры принципиально бы не поменяло. Насколько мне известно, никакого «дефицита» кадров, тем более, высококвалифицированных, тоже не наблюдалось. Костяк кадрового состава Аппарата изначально состоял из откомандированных в распоряжение Михаила Сергеевича и его основных соратников (например, члена Президентского Совета СССР Г.И. Ревенко) работников аппарата ЦК КПСС, прикомандированных представителей различных министерств и ведомств, и отдельных специалистов, включая работников СМИ. Абсолютное большинство этих людей были в высшей мере образованными, талантливыми и порядочными личностями, кстати, востребованными и после развала СССР, уже при новой власти – в частности, Юрий Батулин – АП РФ, Виталий Игнатенко – ТАСС, Сергей Дубинин – ЦБР, Игорь Малашенко – НТВ, Владимир Пансков – Минфин РФ, и ряд других. Что касается «перебежчиков», то они, конечно, были – на то и «переходный период» ... Но это явление не носило массового характера. Я лично столкнулся лишь с одним таким случаем, да и то после путча, когда в моем подразделении обнаружился «крот», днем работавший на нас, а вечером – на команду Ельцина. Впрочем, большого вреда нанести он уже не смог, поскольку всё и так двигалось к концу.

Кстати, желающим подробнее узнать о том, как работал Аппарат Президента того времени, могу посоветовать свою статью пятилетней давности под названием «Аппарат Президента СССР: «несвоевременный» орган гнущего государства», опубликованную в журнале «История государства и права» (2019 г., №11, с. 37-44).

Благодарю за внимание!